

А. АНИСИМОВА

ПЕСНИ ПРО ВОЙНУ

Издательство газеты „Сталинское знамя“
Пенза. 1943

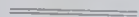
А. АНИСИМОВА

ПРОСЕР

ПЕСНИ ПРО ВОЙНУ

1941—1943

1377/78

Пенз. обл. библиотека имени Н. С. Губина

Издательство газеты „Сталинское знамя“
Пенза, 1943

СОДЕРЖАНИЕ

Вода русская—воля гордая	3
С той поры река бьется пеною	12
Ты ли не богатая, советская земля!	14
Что ты, дуб могучий, так шумишь сердито?	16
Ее милый друг спит в земле сырой	17
Цветик алый	19
Цвела черемуха	21
Наше дело правое!	22
Черна туча тучится	23
Мой миленок—ястребнок	24
Уезжаю на войну	25
Бьет зенитка здорово!	27
На нашем заводе	28
Задаем фашистам баню!	29
Сказка про бабу Домну	30

Ответственный редактор Н. И. СТРАХОВ.
Литературный редактор А. В. ХРАБРОВИЦКИЙ.
Корректор Т. С. ЗЛОТНИКОВА.

ФЛ379. Заказ № 2735. Подписано к печати 29 ноября 1943 года.
Объем 1 печ. лист. Тираж 5000, Цена 2 рубля.

Типо-литсграфня издательства „Сталинское знамя“
Пенза, улица Кирова, 65.

ВОЛЯ РУССКАЯ—ВОЛЯ ГОРДАЯ

Сказ, посвященный разгрому немцев
под Москвой.

I.

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за поля, поля чистого
Надвигалась туча грозная—
Войско черное, фашистское.
Затуманилось небо ясное,
Заслонилося солнце красное,
Да не тучами мимолетными,—
Эскадрильями самолетными.
То не гром гремит, не гроза грозит,
То не вихрь в степи подымается,—
Мотомех катит, только пыль летит
И земля под ним содрогается.
Ой, не молния в дуб ударила,
Озарила лес ярким заревом,—
Бомба вражия город ранила,
Землю русскую окровавила.
На большом дубу ворон каркает,
Ворон каркает, он поживы ждет.
На полях кипит битва жаркая,
Сила вражия в битве верх берет.
Молодым бойцам, пограничникам
Не сдержатъ напор—силу сильную.

В города они, во столичные,
За подмогою шлют посыльного.
А в большой Москве, в золотом Кремле
Собрались вожди на большой совет.
Думу думают о родной земле—
Как им ворога извести на-нет?
Где поставить им и каких преград--
На какой реке, на каком пути?
Как им ворога воротить назад,
Землю русскую от беды спасти?
Вот встает тогда славный вождь вождей,
Сталин-батюшка во весь рост встает,
Говорит он речь ко Руси ко всей,
Будто в колокол неустанно бьет.
Речь набатную люди слушают,
В боевой поход собираются,
Всенародное войско дружное
Защищать страну снаряжается.
Как один, встает русский весь народ
Защищать свое дело правое.
У границ меж тем грозный бой идет,
И река течет там кровавая...

II.

Над большим селом черный дым столбом.
Тяжко бахают пушки вражие.
Молодой боец не сдался в полон,
Взят был раненый в приовражии.
Его рученьки назад скручены,
Гимнастерка вся располыснута,
Сердце полнится мукой мученской,
Крепко-накрепко зубы стиснуты.

Офицер сидел за штабным столом,
Он от пленника отбирал допрос,
И, смотря в окно, как горит село,
Он ответа ждал на один вопрос.
Молодой боец у стола стоял,
У стола стоял, тяжело дышал,
Кровь со лба текла, затемняла свет,
Перед врагом он держал ответ:
„Вы наган из рук силой вырвали,
Комсомольский билет с сердца вынули.
Но не вырвать вам изменных слов.
Я за родину умереть готов,
Я за Сталина жизнь готов отдать!
Не предатель я! И не трус!“
„Умерейт готовоф? Умирайт есть, рус!“
Офицер махнул—подавал знак стрелять.
Восемь выстрелов разом грянули,
И последний раз глаза глянули...
Молодой боец на полу лежит,
Из груди его кровь ручьем бежит.

III.

Полыхал пожар над большим селом.
Уже ночь пришла, а светло, как днем.
Враг поджег село и ушел вперед.
У пожарища собрался народ,
Люди думают думу грустную,
У гнезда стоят разоренного,
В страхе слушают речь не русскую,
Ждут карателя разъяренного.
На пути врага лег кровавый след,—
Над другим селом встал багровый свет,

В третьем зарево занимается...
Знать и там народ так же мается.

IV.

В темноте лесной по глухим тропам,
По чащобникам, по густым кустам
Проходила мать тенью скорбною.
В сердце боль несла всенародную.
Ее тихий дом враг спалил дотла,
Муж в лесной глуши укрывается,
Дочь любимая в глубь страны ушла,
В Красной Армии сын сражается.
Ох, далеко он, сын лелеянный...
Жив ли, нет ли он, ее милый сын?
Вспоминается тот, расстрелянный,
Тот, что выкинут под овраг в кусты.
И все видится, как тяжелый сон,
Как вразмах его с кручи кинули.
И все слышится—будто тихий стон,
Там, в низиночке, под осинами...
И не в силах мать сердца зов унять—
На обрыв она прибрела опять,
За кусты рукой уцепляется
И под кручь в овраг опускается.
Где-то тут лежит распростертое,
Охладевшее тело мертвое...
Но не страх в груди не дает дышать,
Сердце стучает не от робости,—
Тихий стон опять услышала мать.
То-ль от радости, то-ль от горести
Мать не вдруг смогла слово вымолвить:
„Иль ты жив, сынок? Отзовись, родной!“

Может я смогу тебя вызволить?⁴
Долго сказывать, как тащила мать
Полумертвого по тропам лесным,
Но когда в лесу стало чуть светать,
Привела его к мужикам своим.
А кого нашла под осинами,—
Не спросила мать его имени.
За болотами, за туманами
Он живет теперь с партизанами.

V.

Много их, врагов, как в аду чертей.
Накатились, как стоглавый змей,—
Срубят голову—десять вырастут,
Десять срублены—сотни новых тут.
На грудях враги смерти знак несут,
Смерти знак несут—мертвы головы.
За полком полки все на нас идут,
Без числа кладут свои головы.
Бомбовоз летит—города бомбит,
Города бомбит, хутора зорит.
Бронетанк ползет—города берет,
Города берет, полонит народ.
На пути врага вырос лес крестов,
А враги грозят взять у нас Ростов.
Город Брянск горит, об'ят пламенем.
Рвется враг к Москве к белокаменной.

VI.

Убирают хлеб комбайнами,
Жнут серпами, косят косами.
Над полями над бескрайними

Ясны зори встают с росами.
Глубоко в тылу бой не слышится,
Но и здесь в войну тяжело дышится,
Но и здесь сердца все одним полны—
Как прогнать врага из родной страны?
Люди хлеб спешат поскорей убрать,
Войску красному больше силы дать.
Косит девушка золотой овес,
На широкий ряд овес валится.
На глазах у ней не видали слез,—
Потайком грустит и печалится.
На душе у ней горе тайное:
Что ж от милого долго писем нет?
То-ль убитый он, то ли раненый,
То ли в плен попал, натерпелся бед?
Ее милый друг при границе был,
В Красной Армии второй год служил,
Часто письма слал, называл своей,
С первых дней войны нет и нет вестей...
И грустит, грустит по нем девица.
Говорят—убит. Ей не верится.
Крепко помнятся речи верные,
Часто видятся глаза серые.
То приснится ей темный-темный лес,
А над ним горят миллионы звезд,
В том лесу глухом ее друг лежит,
Из груди его кровь ручьем бежит. .
То привидится— бел туман плывёт,
Через тот туман партизан идет...
Может быть, в лесах, за туманами,
Ее друг теперь с партизанами?
Все ей помнятся речи верные,
И все снятся ей глаза серые,

Глаза серые, брови черные.
„Ах, зачем мы с ним разлучены!“
А когда овсы были скошены
И снопы с полей в скирды свожены,
В дни погожие, тихой осенью
Расставалась мать с милой дочерью.
Уезжала дочь на войну, на фронт,
Помогать бойцам, когда бой идет.
Дочь единая, дочь любимая
На войну пошла санитаркою.
„Дай ей, господи, силу сильную!
Охрани ее в битву жаркую!“

VII.

Бьется русское войско храброе,
Бьется русское войско славное
С вражьей силою бронированной,
С лишним двадцать лет тайно кованой.
Танк на танк идет и отпор дает,
Полк на полк идет—смерть врагу несет.
Партизан в лесах—для фашиста страх:
Подследил, убил—и исчез в кустах...
Самолет летит и мотор гудит,
На крылах горят звезды красные,
Боевой орел в тыл врага летит,
На дела летит, на опасные.
Вот над вражьими над блиндажачи
Смертоносный груз опускает он.
И недолго тут немцы нажили,—
Успокоил их вековечный сон.
Но опять идут силы черные,
На смерть верную обреченные.

Враг огнем разит, минным пламенем,
Под Москвой стоит белокаменной.

VIII.

Над большой Москвой флаги веются,
Флаги веются, развеваются.
Как заря, Москва вся алеется,
Праздник праздновать собирается.
На московской той Красной площади
Собрался народ всесоюзных стран,
Собрались войска—силы мощные,
Войско русское—страх и смерть врагам.
То не вал морской воздымается,
Не гора выше гор возвышается,—
Всенародный вождь выше всех стоит,
На войска-народ он орлом глядит.
Высоко стоит славный вождь вождей,
Говорит он речь ко Руси ко всей.
И по всей Москве белокаменной
Понесли ветра слово Сталина.
Люди слушают боевой приказ,
На вождя глядят миллионы глаз.
Как река волной всколыхнулася,
Площадь Красная откликнулася:
„Это ты, наш вождь, наш отец родной,
Поведешь народ на великий бой,
На смертельный бой, на решительный,—
Наносить удар сокрушительный!“
И народ дает клятву Сталину:
„Не бывать врагу в белокаменной!“
Слово русское—слово твердое,
Воля русская—воля гордая—

От Москвы враги назад пятятся,
За набег-разбой кровью платятся.

IX.

Над Москвой заря занимается,
И стоит Москва, славой славится.
Над Москвой встает утро ясное,
И шумит-гудит площадь Красная.
Век стоит Москва—вольность вольная,
Гордость гордая, непреклонная,
Ни в каких огнях не сожженная,
Никаким врагам не поклонная!
А народ идет на великий бой—
Выгонять врага из страны родной,
Отомстить врагу за миллионы бед,
Вражьей кровью смыть черный смерти
след.

С ТОЙ ПОРЫ РЕКА БЬЕТСЯ ПЕНОЮ

Бежит девушка к быстрой реченьке,
На крутой берег, на обрывистый.
А на той реке перехода нет,
Перевоз зовет,—перевоза нет.
Взволновалась тут речка быстрая,
Плещет на берег вода чистая,
Белой пеною вода пенится,
Говорит река красной девице:
„Далеко-ль идешь, так торопишься?
От кого бежишь и хоронишься?
Иль хоронишься от лесных зверей?
Иль сторонишься от лихих людей?
Если зверь идет по твоим следам,
Зверю дикому я тебя не дам.
Человек ли лих за тобой во след—
Тебе ходу дам, ему ходу нет!“
Речка плещется, вода пенится.
Говорит реке красна девица:
„Не боюсь я леса тихого,
Не боюсь я зверя дикого,
А лихих людей тут не водится.
Чужеземец-враг за мной гонится!
Чтобы лют злодей мной не тешился,
Утопи меня, быстра реченька!
Утопи! Укрой тело чистое
От карателя от фашистского.“

Лучше брошусь я в воду пенную,
Чем фашистскою стану пленною!
Заплескала тут речка волнами,
Разошлись они на две стороны.
И сказала так речка быстрая:
„Пройди, девушка, по дну чистому,
По дну чистому, сухопутному.
Не отдам тебя врагу лютому!“
Прошла девушка. Оглянулася,—
А вода за ней вновь сомкнулася.
За рекой фашист волком щерится—
Перед ним река пеной пенится,
Через ту реку ему ходу нет,
Перевоз кричит,—перевоза нет.
И сорвал фашист зло фашистское—
Автомат взметнул, смаху выстрелил...
Как сосеночка подломилася,
Без слов девушка повалилася
На сухой песок, на обсыпистый,
На крутой берег, на обрывистый,
Да так в реченьку и скатилася.
И в реке вода обагрилася,
Обагрилася кровью алою...
Дело зверское, небывалое
На реке на той было сделано.
С той поры река бьется пеною,
Пеной белою, кровью крашеной,
И шумит про то дело страшное.
А кто слушает—ужахается,
Клятвой верною обещается
Мстить губителю мезтью страшною
За ту девушку, за несчастную.

ТЫ ЛИ НЕ БОГАТАЯ, СОВЕТСКАЯ ЗЕМЛЯ!

Ты ли не богатая, советская земля!
Вы ли не широкие, колхозные поля!
Вы ли не ухожены заботливой рукой,
Вы ли не красуетесь пшеницей золотой!
Гулял ветер по полю, он волны взволновал,
Колосочки полные низенько пригибал.
Караулил полюшко колхозник пожилой,
Любовался дедушка пшеницей наливной.
Сломил-сорвал дедушка наливный колосок,
Радовался дедушка, что урожай высок.
Вышла в поле девушка с волнистой косой,
Любовалась девушка пшеницею-красой.
Загляделась девушка на спелый колосок,
Запевала девушка на полный голосок:
„Ой, хлеба высокие! Работушки втроене,
А наш комбайнер знатный воюет на войне.
Когда он, наш ударник, сряжался на войну,
Работать на комбайне учил свою жену,
Молоденькую женушку, парочку свою,
Самую любимую товарочку мою.
Милая товарочка, ты будешь жать-косить,
А чем тебе, товарочка, могу я пособить?“

Подслушал эту песенку дедушка седой,
Загадал загадочку девчонке молодой:

„Маленький, горбатенький все поле об-
скакал.

Один, бывало, девушка, весь хлеб он
убирал!“

Догадалась девушка — серпами надо
жать,

На широком полюшке комбайну помо-
гать.

Говорила девушка дедушке в ответ:

„Вот спасибо, дедушка, за добрый твой
совет!

Соберу подруженек хлеба серпами жать,
Выйдем на широкую колхозную постать,
Вместе с комбайнерочкой хлеба все,
уберем,

Нашей Красной Армии подарки повезем.

Ты ли не богатая, советская земля,

Родина колхозная любимая моя!*

ЧТО ТЫ, ДУБ МОГУЧИЙ, ТАК ШУМИШЬ СЕРДИТО?

Что ты, дуб могучий, так шумишь
ветвями?

Или жаль расстаться с вешнею красой?

Или жаль расстаться с золотыми днями,

С солнечным сияньем, с летнею порой?

Что ты, дуб могучий, головой качаешь?

Или ветер буйный холодом дохнул?

Или ветер буйный, осень подгоняя,

Листья вырезные на землю стряхнул?

Что ты, дуб могучий, так под ветром
стонешь?

Или чью-то радость кто-то погубил?

Или чью-то радость ты навек хоронишь

В глубине холодной боевых могил?

Что ты, дуб могучий, так шумишь
сердито?

Или, полон гнева на слепую смерть,

Над родной равниной, взрывами изрытой,

Грозовую песню хочешь миру спеть?

Пой же, дуб могучий, песню громовую,

Чтобы голос гневный разбудил весь мир,

Чтобы в каждом сердце воля встрепе-
нулась,

Воля к страшной мести за ряды могил.

ЕЕ МИЛЫЙ ДРУГ СПИТ В ЗЕМЛЕ СЫРОЙ

На пригорочке все березыньки
Раскачались, расшептались.
Словно листьями да сережками
Друг пред дружкой похвалялись.
Все березыньки на ветру стоят,
На ветру стоят, да не клонятся.
На одной листы все не в лад шумят,
Белый ствол ее вот-вот сломится,
Свежий сок бежит, словно слезный град,
По коре ее перерубленной.
Распоследний год в дорогой наряд
Ее веточки поразубраны.

На пригорочке под березками
Три подруженьки разгулялись—
За кусточками укрывались,
Все аукались, окликались.
Трем подруженькам гулять весело,
А четвертая пригорюнилась—
Низко голову она свесила,
Припечалилась, призадумалась.
Красотой она не обижена,
От людей ничем не унижена,
Отчего-ж у ней слезы капаят,
Словно градинки в траву падают?
Оттого она припечальная

И не сходит грусть с ее личика—
Ей не ждать дружка с пути дальнего—
Пулей враг сразил пограничника.
Ты не пой, не пой, соловей лесной,
Не томи тоской молодую грудь.
Ее милый друг спит в земле сырой,
Оттого ей так тяжело вздохнуть.
Ее милый друг был боец лихой,
Гордо голову нес отважную,
На защите был стороны родной,
Да пробила грудь пуля вражия.
Умирал боец на земле сырой,
Он закрыл глаза в предрассветный час.
Пулемет его принял брат меньшей,
Выполнять пошел боевой приказ.

ЦВЕТИК АЛЫЙ

В весенний вечер теплый,
Как пух, была земля,
В садочке под окошком
Цветок сажала я.
Сажала, загадала
На счастье, на любовь,
Не на год и не на два—
На несколько годов:
„Цвети, мой цветик алый,
Цвети, не увядай,
Люби меня, друг милый,
Люби, не забывай“...
Цветок в саду зеленом
До времени появлял.
Неужто друг мой милый
Любить меня не стал?
Я цветик поливала
Слезами, не водой,
Как злую весть узнала,
Что не жив милый мой.
На дальней на сторонке
За родину в бою
Сложил мой друг размиленный
Головушку свою...
В весенний вечер теплый
В зелененьком саду

Не запою я песню
И милого не жду.
Зачем теперь цветочек
Расцвел, горит, как кровь?
Чтоб я не забывала
Про смерть и про любовь.
Мой милый был героем,
Шел в бой всех впереди,
Носил он красный орден
На верной на груди.

ЦВЕЛА ЧЕРЕМУХА

Цвела, цвела черемуха
На белой на заре,
В ту пору друг мой миленький
Стучал в окно ко мне:
„Вставай, вставай, любимая,
Сон сладкий позабудь.
Нежданно и негаданно
Я еду в дальний путь.
Не знаю—долго-ль буду я
На дальней стороне,
Но ты, моя любимая,
Попомни обо мне“.

Опять цвела черемуха,
Опять роняла цвет.
А милого, любимого
Все не было и нет...
Не знаю, долго-ль будет он
На грозной на войне,
Но если жив останется,—
Воротится ко мне.

НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ!

До свиданья, горы, доли
И колхозные поля!
Боевой красноармеец—
Ваш защитник верный я!

Изучил винтовку ловко
И уверен с этих пор—
За свою родную землю
Всем сумеем дать отпор.

Мать родная провожала,
Мне такой наказ дала:
„Береги страну родную,
Как тебя я берегла“.

Бей, винтовочка, винтовочка,
Винтовочка моя,
Защищай, моя винтовочка,
Советские края.

За свою родную землю
В бой решительный идем,
Чтобы не было фашизма
На всем шаре на земном.

Прочь, фашистская рука,
Прочь, рука кровавая!
В бой решительный идем—
Наше дело правое!

ЧЕРНА ТУЧА ТУЧИТСЯ

Черна туча, черна туча,
Черна туча тучится.
От фашистов-палачей
Вся Европа мучится.

Черна туча, черна туча,
Гитлер с Запада идет.
Красна Армия могуча
Эту тучу разобьет.

Подруженька, ой и ой—
Разгорелся какой бой,
Разгорелся какой бой,
А в бою миленок мой.

Милый, милый, милый мой
С винтовочкой боевой.
Ты не думай, милый мой,
Что расстанусь я с тобой.

Ты за родину, за Сталина
Идешь в кипучий бой,
И меня любовь заставила—
На фронт иду сестрой.

Наша армия такая—
Армия народная,
Вся одна семья родная
Многომиллионная.

Не топчите, людоеды,
Наши мирные поля,
Будет драться до победы
Всенародная семья.

МОЙ МИЛЕНОК—ЯСТРЕБЕНОК

Сорок восемь самолетов
Друг за дружкой летят.
Как бы, как бы мне дознаться—
Нет ли наших ребят?

Вы скажите мне—который
Самолет номер восьмой,
На нем летчик—мой братишка,
Пулеметчик—милый мой.

Мой миленок—ястребенок
В Красной авиации,
Пулеметом бьет с налета
По фашистской нации.

Мил не летчиком родился,
Не с годочку стал летать,
В Красной Армии учился
Самолетом управлять.

У залетки на пилотке
Красна звездочка горит.
Мой залеточка воюет,
Воевать и мне велит.

Напишу залеточке:
„Учиться буду в летчики.
Я девчоночка рыскова,
Летать буду, как Раскова“.

УЕЗЖАЮ НА ВОЙНУ

На миленковых конвертах
Треугольная печать.
Миленочек, где ты, где ты?
Куда буду отвечать?

Где я, где я ни хожу,
Его имячко твержу.
Я в газете на портрете
На миленочка гляжу.

Мой миленок не в тылу,—
Он в бою, в самом пылу.
Он уехал воевать,
Не велел мне горевать.

Положила я платсчек
В гимнастерочку в карман:
„Если, милый, тебя ранят,
Разорви напололам“.

Не затем платок дарила,
Чтоб любовь доказывать,
А, быть может, пригодится
Раны перевязывать.

Мой миленочек в пехоте,
Я не знаю, в какой роте,
Только знаю—милый мой
В роте в самой в боевой.

Милый, милый, милый мой
На дальнем расстоянии,
Были, были при разлуке,—
Будем при свидании.

Милый, милый, милый мой,
Ты на бой—и я с тобой.
Скоро встретимся на фронте—
Ты бойцом, а я сестрой.

Не расспрашивай, подруга,
Некогда рассказывать,—
Уезжаю на войну
Раны перевязывать.

БЬЕТ ЗЕНИТКА ЗДОРОВО!

Над Москвою небо чисто—
Далеко видать фашиста.

Фашистского ворона
Бьет зенитка здорово.

Налетали черны птицы
На советскую столицу.

Налетала эскадрилья,
Растеряла перья-крылья.

Налетали „Мессершмитты“,
Улетали крепко биты.

Разлетелись вороны
На четыре стороны:

Один в гроб, другой в могилу,
Третий—курсом до Берлину.

А четвертому куда?
Ни туда и ни сюда.

Он и взад, он и вперед,
А от нас не удерет.

Фашистского ворона
Бьет зенитка здорово.

От фашистских воронят
Только перышки летят.

НА НАШЕМ ЗАВОДЕ

Как на нашем на заводе
Все пошло по новой моде—
Ребятешек на фронт взяли,
А к станкам девчата встали.

Мы с ребятами прощались,
На прощанье обещались:
„Будем фронту помогать,
По три нормы выполнять“.

Обещанье перекрыли —
Выполняем по четыре,
По четыре и по пять,
И по шесть сумеем дать.

Мой миленочек гвардеец,
Боевой красноармеец.
И я тоже боевая—
Ударница цеховая.

Написал мне милый мой
Номер почты полевой,
Телеграмму подаю:
„За твоим станком стою!“

Ой, станочек мой токарный,
Да какой же он шикарный—
Мытый, чистый, смазанный,
Всем в пример показанный!

ЗАДАЕМ ФАШИСТАМ БАНЮ!

Эх, играй, гармонь, подпляску,
Задаем фашистам встряску.
Зарекутся навсегда
Лезть на наши города.

„Мессершмиттики“ летали,
Перелеты делали,
Разбомбить Москву пытали,
Мы им ходу не дали.

Фрицам, гансам приказали
Взять наш город Сталинград,
А мы встретили, сказали:
„Поворачивай назад!“

Подбирают немцы пятки,
Удирают без оглядки,
Позабыли, как вводили
Свои „новые порядки“.

Задаем фашистам баню,
Ох, и баню жаркую!
Не бывать нашей земле
Под фашистской маркою.

Били немцев на Кавказе,
Били немцев на Дону,
Как догоним до Берлина—
Поколотим на-дому.

СКАЗКА ПРО БАБУ ДОМНУ

Жила была баба,
Звали ее Домна.
Ростом и дородством
Очень преогромна.
Накопила Домна
Миллионы силищ,
Так отяжелела—
С места не содвинешь.
Услыхала Домна—
Враг идет с заката.
Вышла бы сразиться,
Да тяжеловата.
Топит Домна печку,
А сзма вздыхает—
Мало, что Россию
Чугуном снабжает,
Хочется ей, Домне,
В чистом поле биться,
Да нельзя ей, Домне,
С места своротиться.
Уродила Домна
Дочку Катерину,
Посадила Катю
На автомашину,
Да и проводила
На завод в ученье:
„Чтобы стать ей, Кате,

Ловкой для сраженья!
На заводе Катю
Так-то-ль обтесали—
Стала наша Катя
Как точеной стали.
Поглядеть на Катю—
Словно как игрушка.
Ну а на характер—
Погрозней, чем пушка.
Домна свою Катю
Полотном укрыла,
На передовые
Ее проводила.
Долго ли, коротко-ль
Ехали-катили,
А к разгару боя
В Сталинград прибыли.
Красные солдаты
Катеньку встречали,
Душечкой Катюшей
Ее величали.
Побыла Катюша
В боевом походе,
Задавала жару
Вражеской породе.
Как Катюша грянет,
Даст огонь да пламень—
Немцы без дыханья
Повалятся наземь.
Много полегло их
Возле Сталинграда!
А Катюше нашей
Этого и надо.

Уважают Катю
Все гвардейцы наши:
„Нету против Кати
Боевой и краше!“
И теперь Катюша—
Герой Сталинграда.
То-то мамка Домна
Весела и рада!

Село Поим, Пензенской области.

Цена 2 рубля